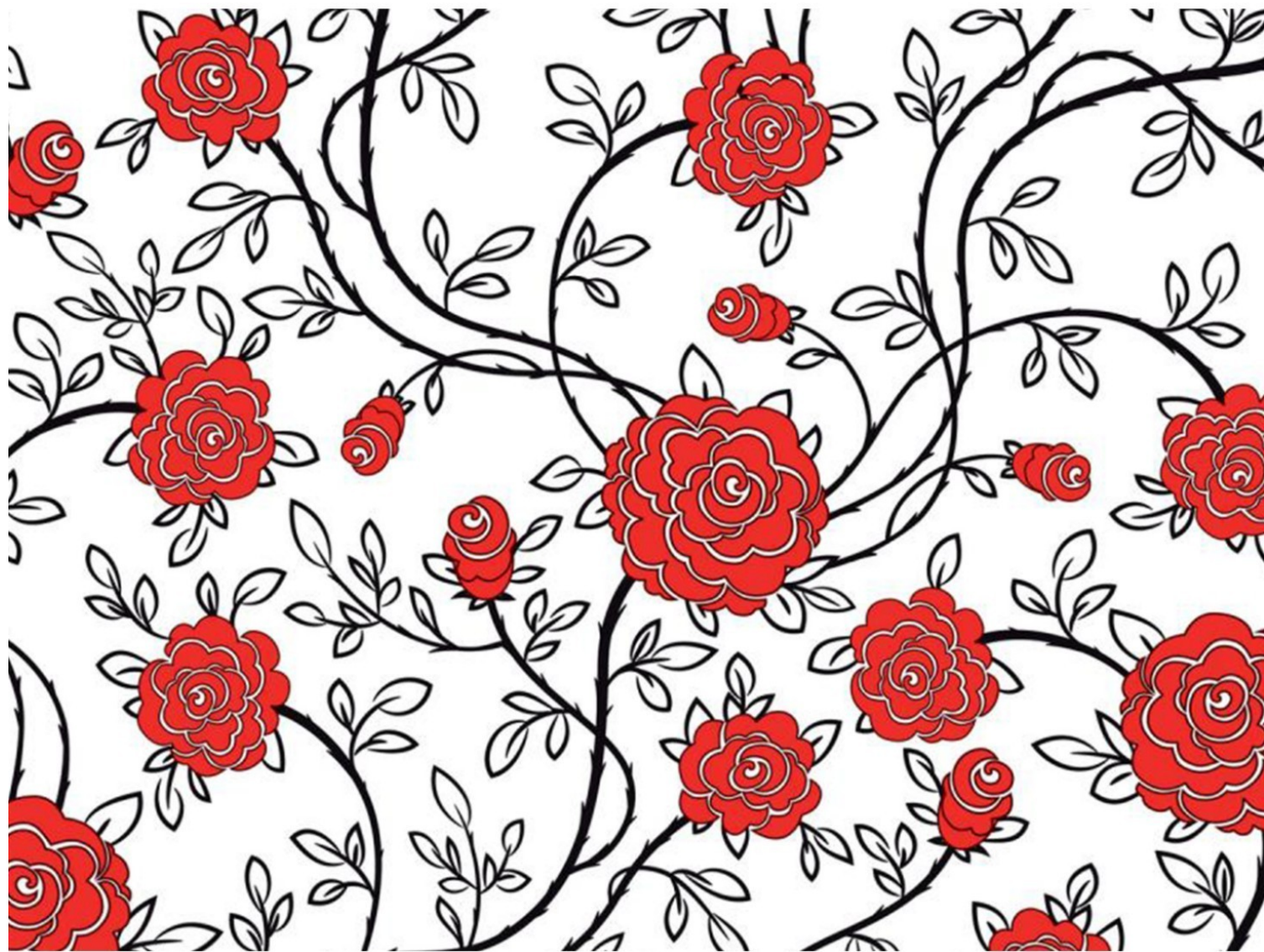

Валерий Бронников

НАСТЕНЬКА

Валерий Бронников

Настенька

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Бронников В. В.

Настенька / В. В. Бронников — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Социально-бытовой роман «Настенька» Валерия Бронникова, родившегося в середине прошлого века, детство и юность которого прошли в эпоху строительства коммунизма, написан в 2011- 2012 гг. Роман «Настенька» является логическим продолжением романа «Северина», который пользуется популярностью у читателей и, которые настояли на том, чтобы роман «Северина» имел продолжение.

– А не испить ли нам чайку? – Иван, занимающийся, как полноправный хозяин в доме, крестьянскими делами, обратился к Северине, – Я думаю, Настенька тоже проголодалась.

– Какая Настенька? – спросила Северина и запнулась. Она вдруг представила, о какой Настеньке идёт речь.

– Почему Настенька? Почему не Колюшка или Акимушка? Почему ты мне ничего не говорил, кого ждёшь? – засыпала Северина вопросами Ивана.

– Как не говорил? Я сказал сразу, ещё там, в лодке, что мастерить буду Настеньку. Я встретил чудо, о котором можно только мечтать – Северину, значит, чудес должно быть много, поэтому – Настенька.

– Ах, ты... нахал! В лодке ты мне ничего не говорил, воспользовался моей слабостью. Знала бы, что ты такой наглый и враливый, ни за что не вышла бы за тебя замуж! Хотя, что ты наглый, я знала с самой первой встречи, – поправилась Северина.

– Вот застрелила бы в первую встречу и избавилась бы сразу от наглеца, а теперь терпи. Теперь только Настюшка! – Иван подошёл к Северине сзади и обнял руками за живот, – Моя Настюшка и моя Северина. Вы обе мои.

Северина умолкла. Она давно заметила за собой эту особенность: как только Иван её обнимет, она теряет дар речи и растворяется в его объятьях. Вот и сейчас все мысли вылетели у Северины из головы. Она ощущала только сильные руки и тепло ставшего ей родным человека. Ей не хотелось терять это ощущение, высвободиться из его объятий, а, наоборот, хотелось, чтобы это продолжалось вечно: и сейчас, и потом, в другой жизни.

– Ты забыл про чай! – Северина повернулась к нему лицом, – Теперь между нами Настенька. Она всё слышит.

– Разве про чай запрещено говорить? Или запрещено тебя любить? Пусть слышит. Ей полезно знать, какая у неё хорошая мама. А я тебя люблю, и буду любить всегда! – Иван перевёл дух и добавил:

– Если напоишь чаем.

Северина оттолкнула Ивана и сказала:

– Вот всегда ты всё испортишь!

– Ты сама сказала, что я забыл про чай, а я не забыл. Я вообще ничего не забываю. Хорошее помню всегда, но и зло запоминаю надолго, хоть Бог и не велит помнить зло и велит всё прощать. Разве можно забыть всё то, что с нами случилось? Разве участник Отечественной войны Николай Николаевич заслужил такие почести, которые ему преподнесла власть в лице Дерикуйко? Этого забывать нельзя и помнить надо всегда. Другие, может, не такие злопамятные, а я буду помнить. Они всё равно будут гореть в аду.

– Успокойся, дедушка поправляется. Всё наладится и будет, как прежде. Вот и дочку ты хочешь вырастить. Будет по двору бегать маленькое существо, приносить в дом радость. Никакие Дерикуйки не смогут сломать нашу жизнь. Жизнь – она вечна, как наше озеро, как небо, как солнце, как сказочный зимний лес.

– Ладно, Северина Жукова, что это я тебя воспитываю! Мне самому стало как-то неприлично: воспитываю главу семейства.

– Я глава временный. Дедушка выпишется из больницы и будет у нас глава настоящий. Он меня научил всему, но с хозяйством он управляется лучше. Я и Жуковой ещё не научилась быть. Сознанием понимаю, что стала Жуковой, а на самом деле к тебе пока привыкаю. Берегут и Косуха тебя пока совсем не признают. Только Кешка ко всему безразличен, он ластится ко всем, кто его приголубит.

– А ещё я конкурент петуху, – пошутил Иван, – Петух меня тоже не признаёт.

– Ты будешь, конкурент, нас, наконец, поить чаем! – воскликнула Северина, – Самовар давно просится на стол.

С тех пор, как Иван переселился на заимку, он жил в этом, ставшем ему родным, доме, взвалив на свои плечи все домашние дела. На работу Жуков приноровился ездить на автобусе, выходя на остановку ранним утром. Иногда он оставался ночевать в городской квартире, но потом непременно возвращался, убирая горы свежеснеженного снега, засыпавшего тропинки, и, пополняя запас колотых дров. Живя некоторое время в городской квартире, они осознали, что предали осиротевший дом в лесу и решили туда вернуться, а городскую квартиру навещать время от времени. Так, посчитали они, будет спокойнее деду, который хоть прямо и не говорит, но сильно переживает за своё хозяйство, оставленное без присмотра.

Они-то хотели, как лучше: из городской квартиры навещать деда в больнице удобнее, но дед предпочёл, чтобы они навещали не его, а его оставленный в лесу дом. Прямо он этого не сказал, но Северина привыкла его понимать без лишних слов. Ивану не очень удобно было ездить «за тридевять земель» на работу, но он на эти неудобства согласился. Ничего страшного не случилось. Раньше он ездил раз в неделю, а теперь будет бывать на озере чаще, только и всего!

Самовар, перекочевавший от печки на стол, урчал как-то миролюбиво по-праздничному. Его урчанье походило похоже на созыв гостей к столу. Гости не было, значит, он звал хозяев. От пузатых боков самовара веяло теплом, домашним уютом и чем-то ещё очень родным и дружеским. Такого восприятия нет, скажем, от чайника, кофейника или кастрюли, не говоря уж о другой посуде.

Северина, привыкшая хлопотать по хозяйству, примостилась с краю, не разрешив Ивану в чём-то помогать. Она так и сказала:

– Садись и сиди, жди! Глава семейства не должен греметь сковородками и перебирать тряпки. Твоё дело женщину вдохновлять и делать изредка комплименты.

– Ну, во-первых, говорят не «садись», а «присаживайся».

– Я этих правил не знаю, но слышала, что присаживаются такие, как Дерикуйко, поскольку они чувствуют за собой грехи и боятся сесть не на стул, а туда, куда норовят отправить других. Вот поэтому они и присаживаются, а, во-вторых, ты мой законный муж и выполняй, что тебе приказано.

– Слушаюсь! – шутливо сказал Иван, – Всё ты у меня знаешь. С тобой даже спорить опасно.

– Разве ты до сих пор не убедился, что я лесная хозяйка? Меня даже звери слушаются. Ты сделал великую ошибку, когда на мне женился. Теперь будешь до конца своих дней выполнять мои команды.

– Согласен выполнять твои команды всю жизнь! – ответил Иван, подумал и добавил:

– И Настюхины тоже.

– Тогда готовься. Вдвоём мы тебя всего закомандуем, – Северина как-то тяжело вздохнула, – Вот мы с тобой разговариваем, а я почему-то всё время думаю о бабушке. Как он там без нас? Здесь жил, я как-то не задумывалась, что ему тяжело. Он всегда всё знал и всё успевал за день сделать. Казалось, что так будет всегда. Дерикуйко ходил кругами, но я как-то за серьёзного противника его не воспринимала. Казалось, куда ему против деда! Он против ветерана войны просто хлюпик. А получается так, что послушали его, а не деда. Прошлые заслуги почему-то в расчёт совсем не берутся и никто о них не вспоминает. Партия широкими шагами шагает к коммунизму, не замечая, что у неё делается под ногами и, не боясь запнуться о ретивых исполнителей, перешагивая через простых людей.

– Ты себя не терзай. Тебе нельзя сейчас расстраиваться. А деду, сама видела, уже лучше. Поправится и будет всё, как прежде. Будет жить здесь или у нас в городской квартире. Хотя в квартире он вряд ли жить захочет – это не его жильё, его настоящее жильё лес. Он здесь жить привык.

За разговорами Иван и Северина напились чаю и сидели, отдыхая от чаепития и домашних дел.

– Пойду, уберу лишний снег. Сегодня с утра падает, как будто где-то прорвало плотину. Завтра утром не успею, побегу сразу на остановку, – сказал Иван.

Иван оделся и вышел. Снегу и в самом деле насыпало столько, будто здесь никто его никогда не убирал. Он сыпал и сыпал откуда-то сверху из неиссякаемых запасов природы, щедро посыпая всё, в том числе и те места, где его совсем не должно быть.

Иван взял деревянную лопату и привычно стал выбрасывать снег с тропинок, крыльца, от собачьей конуры, дров, от бани. Эта работа казалась бесконечной. Если она временно заканчивалась, природа тут же щедро восполняла этот пробел, заставляя людей работать, а не сидеть без дела.

Сейчас, когда Иван был один, его мысли заняла полностью работа, предстоящий полевой сезон. Теперь он беспокоился за свою новую семью, боясь оставить их одних. Уехать придётся на всё лето, работать без выходных и праздников, вдали от дома, семьи.

Раньше он о семье не беспокоился. Свою бывшую жену Светлану Иван спокойно оставлял одну, зная, что ей будет одинаково хорошо, как с ним, так и без него. А теперь новая семья стала его головной болью. Работа вдали от дома стала его не вполне устраивать. Хотелось быть здесь, рядом со своей женой, видеть появление на свет нового живого существа, своей будущей дочки. А может сына? Сына Ивану иметь тоже хотелось, но больше он хотел почему-то именно дочку, такую же, как Северина, выращенную самой природой без вредных городских привычек, не тронутую цивилизацией и веяниями моды.

Откуда-то появился Кешка. Он ходил по вычищенной тропинке, путаясь около ног, выгибая спину и распушив торчащий вверх хвост. Скорее всего, кот вылез от скуки. Никаких других дел кроме, как путаться под ногами, у него на сегодняшний день запланировано не было. При сытом желудке мысли его не интересовали.

Работу свою Иван любил, но одно дело работать вдали от дома, когда один сам по себе и совсем другое дело, когда есть семья, заботы, домашние дела. Жить вдали от дома, когда обзавёлся новой семьёй, он не хотел. Иван решил твёрдо: если Северина будет против поездки, он останется, а с работой что-нибудь придумает. С его руками и способностями возьмут на любую работу.

Иван дошёл почти до калитки, когда, подняв голову, увидел, что за ним с куста за забором зорко наблюдает зверь, стараясь быть незамеченным. До него не сразу дошло, что это Косуха караулит Северину.

– Иди, к тебе пришли, – сказал он Северине, приоткрыв дверь в дом.

Северина выскочила, накинув на плечи меховую безрукавку.

Иван пояснил:

– У калитки на заиндевавшем от инея кусту сидит чудо, которое признаёт только тебя. А я с ним общаться боюсь, во-первых, не знаю языка, а, во-вторых, не умею подлизываться.

– Косуха, как ты здесь оказалась! – воскликнула Северина, – Вот уж ночью гостью я не ждала. У меня теперь охрана есть в доме. Или ты ему не доверяешь? – покосилась Северина на Ивана, – Он меня не обидит, не переживай. Сейчас я тебя чем-нибудь угощу. Жди!

Северина вынесла из коридора целого мороженого рябчика.

– Это твоё угощение. Я оставляю его под кустом, возьмёшь, когда захочешь. Надеюсь, ты не охотиться пришла ко мне в дом? Я тебя накормлю и так. А Ивана не бойся, он тебя не обидит.

Северина подошла к Ивану и взяла его за руку.

– Видишь, я его не боюсь, ты тоже не бойся, – сказала она Косухе, – Пойдём, – позвала она Ивана, – При нас Косуха обедать не будет.

– Я ещё не весь снег убрал.

– Отдохни десять минут, потом работу доделаешь.

Когда Иван снова вышел во двор, Косухи и рябчика на прежнем месте не было. Перьев он тоже не увидел. «Значит, унесла с собой», – подумал он.

Утро выдалось солнечное и не очень морозное. Вчерашнего сыпавшего снега как будто и не было никогда. Напоминали об этом припорошенные тропинки.

Северина, проводив Ивана, немного заскучала, но потом, нарушив запрет, решила одна сходить в лес. «А что со мной случится!» – подумала она, – «Защитник в лице Косухи у меня есть. Я возьму с собой Тучку, идти буду прогулочным шагом. В конце концов, прогулка для ребёнка будет только на пользу! А силки надо проверить, иначе звери унесут всю пойманную птицу».

В первом же встретившемся силке висел рябчик. «Вот я и вернула вчерашний Косухин ужин!» – обрадовалась девушка. Она положила рябчика в рюкзак и заскользила по присыпанной лыжне дальше. Пушистый снег на лыжне нисколько не препятствовал движению. Северина пошла по короткому пути вдоль ручья. «Дальние ловушки проверим потом», – здраво рассудила мысленно она, – «Когда наступят выходные дни».

Долго идти не пришлось. Неожиданно огромный глухарь вспугнул тишину, взлетев откуда-то изнутри ельника. Он уселся на противоположном берегу ручья на самом видном месте.

«Вот это наглец!» – воскликнула мысленно Северина, – «Ну, подожди...», – она медленно потянула ружьё с плеча.

Девушка почти не целилась. Как только вскинула ружьё к плечу, сразу выстрелила. Глухарь послушно упал в кусты там, где сидел. «Надо за ним пробираться через ручей. Он совсем неглубокий, но под снегом течёт вода и вряд ли она покрыта льдом», – опять подумала Северина. Она прошла почти сотню метров вдоль ручья пока, как ей показалось, нашла подходящее место для перехода. Здесь снежный передув, выровнявший русло на уровне низких берегов, казался относительно ровным.

Девушка осторожно направила лыжи на этот переход и, стараясь не топтать ногами, заскользила на противоположную сторону. Удалось добраться почти до середины, когда неожиданно весь снег вместе с ней вдруг быстро осел куда-то вниз. Она ещё ничего не успела сообразить, как очутилась в снежном плену. Ноги оказались в промокшей обуви в ледяной воде. Снег сдавил её со всех сторон, не давая двигаться. Самым страшным было то, что ноги, как капканы, держали лыжи.

«Вот это я попала!» – воскликнула мысленно Северина, – «Холод я как-нибудь потерплю, но как мне двигаться, если я сжата со всех сторон?!»

Тучка, оставшая сзади из-за разглядывания места, где упал глухарь, подбежала к ней, завертелась, закулила, но помочь ничем не могла. Она, решив, что принесёт больше пользы, если найдёт птицу, легко перебежала на противоположный берег.

Девушка медленно стала высвобождать руки. Когда ей это удалось сделать, она стала отгребать снег руками от туловища и ног. Её неотступно преследовала мысль: «Надо достать лыжу и ей, как лопатой, грести снег».

Она не знала, сколько прошло времени, когда вся измученная и замёрзшая освободила ноги из лыж и их достала из ручья. Положив лыжи рядом с собой на снег, она, перекатившись, повалилась на них и достала ноги из ледяной воды, сразу поочерёдно скинув обувь и максимально отжав всё, что возможно от воды. Затем так же лёжа и перекаtywаясь с одной лыжи на другую и, передвигая их, она выбралась обратно на берег на свою лыжню.

«Теперь надо быстро домой!», – подумала она, – «А как быстро, если я вся замёрзла и промокла?»

Она увидела, как с противоположного берега Тучка, выбиваясь из сил, тащит волоком по снегу глухаря. Глухарь весил чуть меньше собаки. Такую дичь поднять в зубах невозможно.

Как ей удалось протащить птицу на такое расстояние, знала только Тучка. Она едва держалась на ногах, но упорно волочила по снегу птицу.

Северине невольно пришлось задержаться, чтобы своим поведением не обидеть собаку. Дождавшись Тучку, притащившую глухаря прямо к её ногам, она подвесила птицу на ближайшую ветку, поставила лыжи на лыжню и заскользила в сторону дома. Лыжи хоть были тяжёлые и мокрые, но, подбитые камусом, они к снегу не примерзали, медленно идти можно. Единственным серьёзным неудобством являлось то, что они заметно потяжелели из-за налипшего и примёрзшего снега к наружной поверхности. Часть снега Северина отколотила, но его осталось на лыжах довольно прилично.

Выбившись из сил и, потратив уйму времени, Северина добралась до дому. Она, плохо соображая и дрожа всем телом, переделалась во всё сухое, натянув на себя одежды в два раза больше, чем обычно. Затем девушка почти автоматически затопила баню, благо там следовало только чиркнуть спичкой; поставила греться на примус воду для чая и, наконец, села отдохнуть. Как только она присела, её неудержимо стало клонить в сон. Отяжелевшие веки закрывались, мешая думать, соображать и что-либо делать.

– Нет, спать нельзя! – сказала вслух девушка, – Иван может и не приехать. Кто мне тогда поможет?

Она, преодолевая сон, встала и заставила себя двигаться. Сходила, проверила, как топится баня, потом выпила горячего чаю с травами и, немного согревшись, занялась мелкими делами, чтобы не уснуть. Наконец, по телу разлилось тепло. Её больше не знобило, но по-прежнему очень хотелось спать то ли от усталости, то ли от пережитых волнений.

Баня хоть и была накануне топлена, всё равно требовалось определённое время, чтобы вытопилась печка и подогрелась вода. Сильно топить печь Северина не стала, решив, что с ребёнком сильно париться вредно. Ей просто хотелось погреться и предупредить возможную простуду, которой, подумала она, ей всё равно не миновать. Мыслимое ли дело в мороз ходить босыми ногами по воде! Ноги хоть и обуты в пимы, но вода одинаково холодная, что в ручье, что в пимах.

Такое, не смотря на многие приключения на природе, с ней приключилось впервые.

«Ну, и растяпа!» – мысленно кляла она себя, – «Всё знаю, но всё равно пошла там, где ходить совсем не безопасно. Тучка и так бы принесла дичь. Зачем мне надо было переходить?»

На этот вопрос она ответа не знала.

Когда баня, наконец, протопилась, Северина ходила, как в тумане, делая обычные дела машинально. Она, быстро раздевшись, плеснула на каменку горячей воды, предварительно настоянной на лечебных травах, и стала греться. «Только бы не заснуть, только не заснуть», – мысленно говорила она себе.

А, когда напарившись, Северина вошла в дом, сил едва хватило, чтобы добраться до постели.

С ней никогда такого не случалось, чтобы так выключиться от усталости. Девушка привыкла к труду с детства и, как бы она не уставала, сил всегда хватало, чтобы контролировать себя и ситуацию. Сейчас же она ничего не слышала и не чувствовала, просто провалилась в тяжёлый, тягучий сон без сновидений.

Очнулась Северина ночью в липком поту, её опять знобило. Одеяло никак не согревало. Хотелось пить, но она боялась вылезти из-под одеяла. «Что это со мной?» – спросила мысленно она себя, – «Неужели я заболела?»

Девушка, пересилив себя, встала и сделала настойку из трав, заставив себя без какого-либо желания выпить это горькое зелье. Она, накинув меховую безрукавку поверх халата, пыталась что-то делать, но всё валилось из рук. В конце концов, девушка улеглась обратно в постель.

«Наверно уже утро», – подумала она, – «Ничего не могу делать. Ладно, пока полежу, может, настойка подействует. Приедет ли сегодня Иван? Хорошо бы приехал. Одной что-то совсем тяжело».

Она вспомнила ручей, себя, стиснутую снегом. Потом увидела глухаря, летящего прямо на неё, и убегающую от него Тучку. Почему-то стоял за ёлкой Иван и смеялся.

«Ты чего смеёшься? Разве не видишь, что я не могу выбраться?» – спросила она. Иван пропал. Тучка убежала. Остались навалившаяся темнота, жуткий холод, головная боль и наваливающиеся на неё бесконечные пласты снега. Она пыталась их отодвигать руками, но руки застревали. Снег не давал им двигаться, засыпал её всё больше и больше. Стало тяжело дышать.

Боясь задохнуться, Северина проснулась. Было темно. Голова болела и кружилась. Озноб не проходил.

«Вставать не буду, просто полежу», – сказала мысленно Северина. Так она лежала, пока не увидела, что в комнате начал сереть рассвет. Проступали очертания стен и мебели.

«Сегодня я переспала, давно уже утро», – подумала Северина, но вставать не стала. Головокружение не проходило, комната медленно вращалась перед глазами. Она их закрыла, чтобы не видеть это вращение.

– Северина, смотри, кого я тебе привёл! – громко крикнул от калитки Иван, хотя понимал, что в доме его голос услышать трудно. Они зашли с Николаем Николаевичем в калитку, заметив, что свежевыпавший снег с тропинки не выметен, что совсем не похоже было на хозяйственную Северину. Об этом подумали оба, но оба промолчали, не выдавая своего беспокойства.

Открыв дверь, Иван почувствовал свежий прохладный воздух, который не нагрела нетопленая печка, и сразу увидел лежащую в кровати Северину.

– Девочка, что с тобой? Почему ты лежишь? – он потрогал её раскалённый лоб и сразу всё понял, – Дед, наша девочка больна. Не знаю, что приключилось, но врачеванием лучше заняться тебе, а я займусь более тяжёлой работой и затоплю печку. Расспрашивать будем потом, сейчас надо привести всё в порядок и ей помочь.

– Нагрей воды, – только и вымолвил Николай Николаевич.

– Я мигом, – отозвался Иван.

Он через несколько секунд вывалил огромную охапку дров около печки, а ещё через минуту разгорающиеся дрова весело потрескивали в печке. Затем Иван так же быстро поставил воду в чайнике на керогаз и в большой кастрюле на плиту, а ещё поставил греться и самовар. Расспрашивать он не посмел, сколько воды потребуется, поэтому всё сделал с запасом.

Выполнив начальную работу, он пошёл чистить дорожки около дома, понимая, что соскучившийся по домашнему хозяйству Николай Николаевич распорядится дома лучше его.

– Как же ты, дочка, умудрилась заболеть? – спросил Николай Николаевич очнувшуюся Северину.

Она ещё не понимала, откуда здесь взялся дед. Её кошмарные в бессмятстве сны слились с явью в одно целое.

– Я провалилась и вымокла, – прошептала она.

– Никак нельзя оставлять тебя одну, совсем ещё ребёнок. А если бы мы не приехали?

– Ничего, я справлюсь.

– Справится она! Ты теперь не одна. Заботиться о двоих надо. Ну, как же тебя угораздило! Лежи, лежи. Мы сами всё сделаем. Тебя тоже сейчас покормим.

– Я не хочу есть.

– А мы и спрашивать не будем. Накормим с ложечки и всё.

– Позови Ивана.

– Он сейчас и сам зайдёт. Вода на керогазе согрелась. Сейчас приготовлю тебе своё лекарство. Завтра вся хворь вылетит.

Когда вошёл Иван, Северина сказала:

– Ваня, у Гнилой Лывы на дереве подвешен глухарь, сходил бы за ним, иначе звери утащат. Возьми моё ружьё и Тучку, она место знает.

– Схожу. Ты только слушайся деда и ему не перечь. Надо поесть и выпить его лекарство. Я через час приду, тогда и поем.

«Почему-то всё идёт не так, как хотелось бы», – думал Иван, шагая по лыжне, – «Только встал на ноги дед, а тут другая беда. И как её угораздило! Никто в лес не гнал, сама пошла. Я уехал на работу, но всё равно виноват, что оставил её одну в лесу. Как вот она одна вышла из леса с мокрыми ногами и на мокрых лыжах? Не всякий мужик такое испытание выдержит. Где эта Гнилая Лыва? Я места знаю не очень хорошо, думаю, по лыжне как-нибудь найду».

Через двадцать пять минут быстрой ходьбы Иван наткнулся на следы лыж и ног около основной лыжни, а подняв глаза, обнаружил и глухаря. Он спокойно висел, дожидаясь, когда за ним придут. Быстро нагрузившись, Иван почти бегом отправился обратно.

В доме заметно потеплело. Помещение не пахло сквозняком, а веяло теплом и уютом. На плите урчала кастрюля. Вода ещё на закипела, но кастрюля своим урчаньем извещала о намерении воды закипеть. Кешка улёгся у печки на лавку и сладко дремал в комфортных условиях.

Николай Николаевич, напоив Северину отваром из трав, кормил её подогретой ухой, положив на стул у изголовья тарелку с аппетитной рыбой.

– Ты сегодня не вставай. По хозяйству мы управимся сами, – выговаривал он Северине.

– Что я маленький ребёнок? – пыталась возразить девушка.

– Хуже. Маленькие дети слушаются, а ты одна ушла в тайгу.

– Я не одна, со мной была Тучка. Питанием нас обеспечила, а ты ругаешься. Ничего же не случилось! А заболеть может каждый человек, независимо был он в тайге или нет. Гулянье мне пошло на пользу. Я теперь выпалась на неделю вперёд. Похоже, настойка начала действовать. Я вся в поту.

– Сейчас я принесу тебе переодеться. Сырой не надо лежать. А мы с Иваном тоже пообедаем, с утра ничего не ели.

– Дедушка, как твоё здоровье? – спросила Северина.

– Сейчас не о моём здоровье надо спрашивать, а о твоём. У меня всё в порядке, раз выписали, значит, здоров, другое плохо – шумели мы с нашей этой историей. Теперь люди интересуются, как мы тут живём. Чувствую, что летом будет наплыв туристов. Не будет больше в лесу тишины и порядка.

– Если слышали о нас, значит, слышали и о Косухе. Не каждый отважится идти в лес, где водится такой зверь. Ничего, туристы нам не помеха, придут и уедут. Иван тоже бывший турист. Он же нам не мешает!

– Ты ещё шутить изволишь! Пока болей, разговоры оставим все на потом. Иван пришёл, мы будем обедать.

Трапеза проходила в молчаливой обстановке. Завьялов по традиции налил Ивану и себе фирменной настойки, на что Иван заметил:

– Дед, ты бы осторожнее с этим. Тебе наверно нельзя. Врачи разве не запретили?

– Я сам доктор. Видел, как я лечил внучку? С другой стороны, старшим замечания делать нельзя!

– Ну, как знаешь...

Выпив свою стопку, Завьялов сразу налил по второй.

– Давно я не сидел так за столом в домашней обстановке. Больше двух стопок я не буду. Нам за больным ребёнком надо смотреть. Сейчас всё приберём, и я немного отдохну. А ты

занимайся, чем хочешь и за женой присматривай. А завтра пойдём обходить наше огромное хозяйство.

– Завтра мне на работу. Отгул я ещё не заработал, – ответил Иван.

– Значит, отложим работу ещё на один день. Завтра я поработаю доктором, схожу в баню.

И потом, надо оживить наш «Газон».

– Я воду заливать не рискнул, а антифриза нет.

– Что-нибудь придумаем. Наш самогон тоже антифриз, будет даже лучше настоящего, безвреден и не ядовит, – Завьялов кивнул на стопку.

– Теперь, когда ты вернулся, переделаем все дела, – рассудил Жуков, – Мы всё время разрывались между домом и городской квартирой. Боялись тебя надолго оставлять одного в больнице. С другой стороны, мне не очень удобно ездить отсюда на работу. Работу ещё никто не отменил. Надо вместе со всем народом строить коммунизм. У нас грандиозные планы на летний сезон. Стране нужны полезные ископаемые. Для этого нужна геологоразведка, значит, и я тоже нужен. Мы с Севериной об этом говорили. Она отпускает, но я сказал, что, если не отпустит, я останусь. Страна как-нибудь обойдётся без одного человека. Я не коммунист, партия мне приказать не может. Я вас нашёл и не хочу терять. Мне с первой женой было как-то не очень уютно, поэтому я уезжал, не задумываясь и ни о чём не жалея. Она о детях даже не мечтала. Её больше интересовали собственная внешность и мой заработок. Я поэтому и на выходные дни уезжал на озеро, чтобы побыть одному и не смотреть, как она раскрашивает себя перед зеркалом.

– Жену сам выбирал, – заметил Завьялов.

– В том-то и дело, что не выбирал, как-то так получилось между делом. Я всё время в разъездах. Подвернулся случай, вот я и женился, чтобы быть не хуже людей. А её моё отсутствие вполне устраивало. Что-то мы не то обсуждаем, – спохватился Жуков, – Это от твоей настойки потянуло на разговор.

– А ещё от переживаний. Когда зашли в дом, я тоже испугался. Врачи не велели волноваться, а как тут не волноваться? У меня кроме внучки никого не осталось. Теперь вот хорошо ты появился, о ней беспокоишься. Я своё отжил, а у вас пока всё впереди. Перенимай навыки лесной жизни, будешь на пенсии заниматься моим бывшим хозяйством.

– Я думаю, что не дадут. Цивилизация наступает, как бульдозер на лесную делянку. В лес всё больше и больше наведывается городских жителей. Им жизнь в четырёх стенах после работы надоедает, ищут отдушину, общение с природой, разнообразие. Все стараются забраться в самую глушь, где никто не будет мешать, не задумываясь о том, что оставляют после себя неубранные груды мусора и охотничьи трофеи в виде расстрелянных бутылок – это люди делают не по злобе и без умысла, просто привыкли жить среди городских свалок. Мусор навален во всех дворах, а, если бы его время от времени не убрали, выросли бы целые горы. У нас соседи выбрасывают весь хлам прямо из окна. Люди так привыкли. Никто их не воспитывает и не делает замечаний, поэтому они и в лесу ведут себя так же естественно, как дома, выбрасывая всё под ноги.

– Ты-то же не выбрасываешь! – возразил Завьялов.

– Я привык жить на природе, как и вы, поэтому наверно и не разбрасываю.

Где-то на крыльце загрохотало, упало пустое ведро. Иван и Николай Николаевич поднялись из-за стола и вышли на улицу. Около крыльца стоял олень Берегут.

– Как же ты вошёл через изгородь? – недоумённо спросил Николай Николаевич, – Чувствует он наверно, что его хозяйка заболела, – сказал он Ивану, – Сейчас чего-нибудь тебе вынесу, жди! – а Ивану сказал:

– А ведро он опрокинул в поисках пищи!

Северина, услышав, что пришёл Берегут, хотела встать с постели.

– И не думай! – сказал Николай Николаевич, – Тебя потную мигом прохватит. Сегодня лежи и не вставай. Угощу я твоего любимца, не беспокойся.

Он вынес приличный ломоть хлеба.

– Вся семья собирается вместе, – проговорил Николай Николаевич.

– А, может, он не к Северине, а тебя пришёл встречать? – спросил Иван, – Все соскучились по настоящему хозяину.

– Я вот даже петли и капканы из-за него боюсь ставить, – сказал Николай Николаевич, – Вроде бы животное, а, как член семьи, дом не забывает, впрочем, как и Косуха.

– Дом есть дом. Дома всегда хорошо, среди близких людей, среди привычной обстановки. Ладно, я пойду к Северине, а потом займусь делами, а ты отдыхай.

В этот обычный, но насыщенный событиями, день Иван ещё долго занимался физической работой, стараясь переделать всю мужскую работу, чтобы Северина и Николай Николаевич могли отдохнуть и не надрывать своё здоровье.

Николай Николаевич оживил радиоприёмник и слушал какой-то спектакль. Радиоприёмник без него никто не включал – это была его любимая техника, которую он берёт, изыскивал на замену радиолампы. Он умудрялся где-то их находить, но точно не в магазине, в котором нужных ламп никогда не было. Где-то хозяин покупал батареи, которые в магазине бывали очень редко. Скорее всего, он добывал батареи с истекшим сроком хранения, но которые были вполне пригодны и годились к использованию в домашних условиях. Они водились в многочисленных организациях, затаривающихся этим товаром впрок и пылившимся на складах в ожидании своего часа.

Так делали многие хозяева. Изыскивать то, что не продавалось в магазине, стало у населения привычным делом. Люди спрашивали друг у друга, просили спросить у родственников и знакомых. В конечном итоге нужная вещь всегда находилась, не всегда новая, но вполне пригодная к использованию. Кто-то отдавал вещь взаимнообразно, а кто-то менял на что-то другое, очень необходимое в его личном хозяйстве. Такой порядок личных экономических отношений между людьми сложился независимо от существующего строя, существующих законов и других внешних условий.

– Мы передавали спектакль по заявкам наших радиослушателей... – донеслось из радиоприёмника.

Радиоприёмник зашипел, извещая о том, что на текущей волне все передачи временно закончились. Его никто не выключал. «Значит, Николай Николаевич спит», – подумал Иван. Он тихонько подошёл и выключил приёмник. «Пусть спят», – мысленно сказал Жуков, – «Сон лучшее лекарство».

Дел ему одному хватило на весь вечер. Иван на всякий случай наколот впрок дров, а перед этим затопил баню. «Пока занимаюсь делами, баня и истопится. Николай Николаевич наверняка захочет сходить, помыться», – рассудил Жуков, – «Хочется на рыбалку, но придётся потерпеть, приеду на выходные дни, тогда и порыбачим. Рыба сидит в сетках, ждёт, когда её вынут. Николай Николаевич сам о бане не напомнил, значит, самому топить тяжело, а просить не стал, да и переволновался опять: приехал, а внучка не откликается. Вот и выполняй советы докторов! Доктора бы сами попробовали не волноваться. И как это её угораздило провалиться? Моложе была, никуда не проваливалась, всему обучена, знает, где есть опасность, а где её нет».

Иван услышал в доме звуки и зашёл. Николай Николаевич ходил внутри, занимаясь самоваром.

– Кажется, я незаметно заснул, – сказал он, будто оправдываясь.

– Вот и хорошо. Самовар я позднее хотел поставить. Топлю баню, думал, чай пить будем после бани.

– Всё правильно, а баня очень кстати, хочется по-настоящему помыться. Северину мы не пустим, а сами помоемся, – рассудил Николай Николаевич.

– Как это не пустите! Разве мне надо спрашивать? – слышался голос девушки.

– Спрашивать обязательно. Тебе пока нельзя. Сейчас ещё выпьешь настойки, пропотеешь, а завтра, если не будет температуры, помоешься. Заболела, теперь лежи и терпи. Кушать хочешь?

– Чаю я бы попила, аппетит вроде появился.

– Это хороший признак. Сейчас накормим, а мы почаёвничаем после бани. Иван дров наколот на целый месяц и баню истопил.

– Вот видишь, какого я тебе зятя нашла!

– Это ещё кто кого нашёл! – тут же откликнулся Иван, – Я тебя нашёл давно, даже приходил, но ты мне как-то на глаза не попадалась. Пришлось мне прийти без Николая Николаевича. Ты думала, что спряталась и про тебя никто не знает? У нас на Севере все всё знают, только не говорят вслух. А вслух говорят, когда лишку выпьют, даже государственные дела решают, указывают министрам на недостатки, за Генерального секретаря партии решают проблемы! Вот и я долго к тебе присматривался, а потом решил, что ты не тайный агент, а просто молодая красивая девушка, но с характером.

– Ладно, не буду комментировать, я больной человек и прошу меня не беспокоить и не обсуждать!

– Хорошо, больше не буду, – сразу согласился Иван.

Утром, когда он проснулся, чтобы отправиться на работу, Северина хлопотала по дому, а в печи весело потрескивал огонь.

– Ты зачем встала? – рассердился Иван, – Разве за сутки ты успела поправиться?

– Во-первых, не сутки, а уже двое. Я ещё никогда так долго не отдыхала. Приглашаю к столу, позавтракай, потом пойдёшь на автобус.

– Я не успею, – ответил Иван.

– Без завтрака я не отпущу. Всё успеешь, если будешь не рассуждать, а выполнять.

Пришлось Жукову подчиниться. Он мелкими глотками отпивал горячий чай, торопясь и обжигаясь. Через пять минут соскочил со стула и стал торопливо одеваться.

– Автобус ждать не будет, – сказал он, – Хотя водители успели привыкнуть к тому, что я по утрам сажусь в автобус. Раньше, когда я ездил только на выходные дни, был пассажиром случайным, а теперь стал постоянным.

– Где-нибудь ещё не стань постоянным. Я же не знаю, куда ты едешь! – пошутила Северина.

– Никуда я теперь от вас не уеду. Вот дождусь дочку и буду ездить с ней вместе, а деду ребёнок тоже будет в радость.

– Вечером будем ждать, покормлю, а потом надо проверить сети. Жалко, если рыба испортится. Правда, порченная рыба тоже сгодится на приваду или на корм, но это на крайний случай.

– Всё, я побежал, – сказал Иван и сразу юркнул за дверь.

Утро долго серело, не решаясь превратиться в день. Густой слой облаков слабо пропускал лучи висевшего над горизонтом солнца. Само солнце не показывалось, скрываясь в тучах, но небо в том месте, где оно висело, заметно отличалось светлым тоном.

Николай Николаевич тоже поднялся, но из дому не выходил. Он разложил свои охотничьи боеприпасы, собираясь изготавливать дробь. Скорее даже не дробь, а нечто на неё похожее из нарезанных свинцовых прутьев, которые он сам отливал. В магазине дробь отсутствовала и неизвестно, когда она появится вновь, а домашние запасы оскудели. Вот Завьялов и решил их пополнить. Дробь изготавливали самостоятельно все охотники, которые занимались промыслом. Она только немного уступала дроби, купленной в магазине, была не круглой и немного дробинки отличались друг от друга по размеру, но для охоты вполне годились, если не стрелять с большого расстояния.

– Я, Северина, пополню твои запасы, – сказал он, позавтракав и расположившись возле печи прямо на полу.

– А сам что, стрелять не будешь?

– Буду, не буду, а главный охотник теперь ты.

– Главный охотник теперь у меня в животе, я с ним тоже не очень много наохочусь! После приключений я боюсь ходить одна в лес, не за себя боюсь, а за ребёнка. Скоро буду мамой, а не охотником.

– Ничего, вместе мы всё одолеем. Иван стал хорошим помощником. Я, правда, что-то стал сдавать, наверно стал старый. Тянет всё время полежать.

– Ну, и лежи! Кто тебя заставляет работать? Отдыхай, набирайся сил.

– Как-то неприлично лежать, когда все работают. Я к этому не привык. Буду чередовать лежанку с работой. После обеда отдохну, буду ждать Ивана. Вечером в темноте проверим сети.

– А меня разве уволил? Я тоже пойду с вами, хоть прогуляюсь.

– Какой из тебя работник, если только очухалась? Дай немного организму прийти в себя.

– Вот на озере и буду в себя приходить. Вы будете работать, а я путаться под ногами. Без меня ты и лунки не найдёшь!

– Найду, если поставила сетки по старым ориентирам.

– Я, пожалуй, баню сегодня тоже истоплю. Она ещё не остыла, много времени не займёт, а вечером после рыбалки помоюсь. После твоего лекарства семь потов вышло. Куда ты столько заготовок отлил? Дрови не на один год хватит!

– Заготовлю впрок, чтобы к этой работе не возвращаться. Будет дробь лежать где-нибудь в холодке. Старых аккумуляторов не жалко. Сама видела, сколько их оставили в лесу после упразднения леспромхоза. Вот они и сгодились для хорошего дела, и лес будет чище. Кругом только польза! Порох делать не умею, а дрови наделаю, – ответил Николай Николаевич.

– Сегодня у нас будет суп из глухаря. Повозилась я с ним, но разделала. Он успел промёрзнуть и отвердеть. А какой запах из чугуна! Суп сварился давно, томится на слабом огне на плите. Как есть захочешь, будем обедать. Меня на еду что-то не очень тянет, а тебя после казённых харчей надо откармливать. В больнице наверняка кормили супом из проса или солёных огурцов. У них так принято: и людей накормят, не дав умереть с голоду; и сэкономят; не разжиреешь, но и с голоду не помрёшь. Я тебя откормлю. Завтра сварим настоящую рыбацкую уху из голов и печёнок. Ивана там тоже никто не накормит, будет почти сутки питаться всухомятку. Он и утром ничего не поел.

Северина не умолкала. Чувствовалось, что ей намного легче. Она радовалась, что вернулся дед, что они живут опять, как прежде; как они жили много лет, пока не пришла в дом беда в виде правоохранительных органов. Она сейчас радовалась и наступившему новому дню; и хорошей погоде; и тому, что проводила утром Ивана на работу; и теплу в доме. А ещё она думала о новом зародившемся существе, которое живёт в ней и очевидно прислушивалось к тому, что она говорит.

Интуитивно Северина понимала, что ребёнок её голос пока слышать не может, но он должен чувствовать то, что чувствует она. Легче сейчас ей, значит, легче и ему. Она с некоторых пор стала чувствовать и решать за двоих.

– Дедушка, ты бы пообедал да отдохнул, – сказала она.

– Работу доделаю, потом пообедаю и немножко отдохну до прихода Ивана. Я привык к больничному режиму, где после обеда всегда был отдых. Там в это время даже уколы и процедуры не делают. Мужики в это время свои процедуры принимали, понимая, что никто не побеспокоит. Сердечники, а стопку-другую пропускали, чтобы не засохнуть и не зачерстветь.

– И ты грешил?

– Сначала я даже смотреть не мог, а потом пару раз по стопке выпил. Они не магазинным угощали, а своим. Меня знают, поэтому в покое не оставляли, всегда приглашали.

– Ну, вы и больные! А как же доктора?

– Доктора такие же люди, а мы наше собственное лечение не афишировали. Одно другому не мешает. На фронте нам тоже давали сто грамм, иначе совсем бы тоска съела. Фашист он тоже всегда носил с собой фляжку со шнапсом, но они и наш самогон хорошо пили, предпочитали пить при случае его, чем свой шнапс.

– Дедушка, ты меня не учи плохому.

– А чего тебя учить? Ты меня сама научить можешь! Как-то незаметно превратилась из ребёнка во взрослую девушку. Смотри, какая красавица, а я всё считал тебя маленькой!

– Из маленькой я давно выросла.

– Вот и я говорю, что время летит незаметно. Маленькие становятся большими, а большие старыми и немощными. Так уж в природе устроено.

Иван приехал под вечер.

– Всё, у меня наступили законные выходные дни! – сказал он, – Несколько отгулов предоставили вперёд, в счёт будущего полевого сезона. Там мы работаем без праздников и выходных дней.

– Садись к столу, я тебя накормлю, – сказала Северина, – Сегодня суп из глухаря, которого ты нёс.

– Вот хорошо! Я что-то проголодался.

– Это я знаю. Ты попросишь щепотку соли, а потом скажешь, что негде переночевать. Садись и не оправдывайся! Поешь, а потом решишь – помощник ты нам или нет. Мы собираемся на озеро, проверять сети.

– Это я пойду на озеро, а ты-то куда?

– Без меня ты ничего не наловишь, – категорично заявила Северина, – Ты будешь работать, а я контролировать, чтобы не сачковал и не гнал брак. Знаем мы вас городских!

Николай Николаевич, услышав голоса, вышел на кухню.

– Я, пожалуй, наотдыхался, буду собираться. Иван, я тебя не тороплю. Всё равно уже темно, часом раньше, часом позже, не имеет значения. Ты не торопись, ужинай, пей чай, а, когда справишься, тогда и пойдём.

– На ужин мне хватит двадцати минут. Я знал, что пойдём на озеро, поэтому к подвигам готов.

Через час рыбаки вереницей отправились на рыбалку. Северина каким-то чутьём в темноте угадывала верное направление. Озеро выглядело абсолютно белым и ровным. Труженик-ветер залил на поверхности снега все неровности и шероховатости. Лыжни от предыдущих посещений не осталось и в помине. На открытой поверхности озера насквозь пронизывал ветер, от которого некуда укрыться и спрятаться. Рыбаки, привыкшие к капризам природы, не обращали на него никакого внимания.

Через какое-то время Северина остановилась и сказала:

– Пришли.

Иван никак не мог понять, как она определила место, где вообще ничего не видно, кроме белого снега под ногами.

Лунку Северина нашла в двух метров от того места, где остановились и оставили санки. Пару раз копнув снег, она нашла крышку из фанеры, закрывавшую лунку. Вода сверху замёрзла, но лёд толщиной оказался не более двух миллиметров.

– Быстро же ты нашла место! – сказал Николай Николаевич, – Я так уже не могу, да и вижу в темноте не очень хорошо.

– Вот видишь, а ты не хотел меня брать! Сейчас найду второй конец сетки и будем смотреть. Вы оставайтесь тут вынимать рыбу, а я дам сигнал, когда буду готова.

Девушка взяла верёвку и шагами стала отмерять расстояние в нужном направлении. Пошарив глазами в нужной точке, она нашла едва заметную метку, быстро отрыла лунку и привязала верёвку к концу сетки.

– Можно тянуть! – крикнула она.

Рыбы оказалось много. Иван с Завьяловым вдвоём выпутывали улов, оттрясали сетку от ила, а на снегу росла горка рыбы, в которой иногда взбрыкивали хвосты рыбин, попавших в непривычную обстановку. Через полчаса Северина тянула верёвку, затягивая сеть обратно под лёд.

Управившись с одной снастью, они перешли ко второй и повторили процедуру. На санках лежал целый воз рыбы, затаренной в мешок.

– Вот теперь у нас будет заработок! – сказал Николай Николаевич, – На некоторое время себя обеспечили. Такой улов бывает не всегда, но в этот раз повезло. Что бы мы делали без Северины!

– И без Вани, – добавила Северина, – Санки тащить ему.

– Своя ноша не тянет! – ответил Жуков.

Уставшие, но довольные, рыбаки пришли домой. Рыбу оставили на морозе под охраной Тучки.

– Завтра всё рассортируем, – сказал Завьялов, – До утра пусть лежит. А сейчас ужинаем и на отдых.

Утром всё пошло не по плану. Северина с раннего утра хлопотала по хозяйству, растопив очаг. Через некоторое время поднялся Жуков, а Николай Николаевич не поднимался.

Когда все сроки истекли, Северина пошла его проводить.

– Что-то мне с утра тяжело, – сказал Николай Николаевич, – Я немного ещё полежу.

– Лежи хоть сколько. Может, завтрак тебе принести сюда?

– Я пока не хочу есть. Вы завтракайте без меня. Я, когда кушать захочу, поднимусь сам.

После завтрака Северина снова подошла к Завьялову.

– Что-то мне, Северинушка, совсем нехорошо, я ещё немного полежу, – сказал он.

– Чем тебе помочь? Увезти в больницу?

– В больницу мне не доехать.

– Тогда пошлю Ивана за доктором. Не возражай.

Иван долго не раздумывал, быстро собрался и ушёл, пока ещё не понимая, как добыть доктора в лес. Он сознавал, что машина скорой помощи вряд ли пойдёт на такое расстояние. «Ничего», – думал он, – «Первым делом зарегистрирую вызов на станции скорой помощи, а уже потом буду искать доктора на дом. Всё осложняется тем, что наступили выходные дни. Доктора отдыхают, а дежурные доктора заняты на дежурстве. Остаётся только потревожить всех, вплоть до милиции и горкома партии. Партийное начальство не должно отказать в помощи. Где только найти это начальство в выходной день?»

Он пришёл в свою контору и сел за телефон. Скорая помощь вызов приняла, но сразу диспетчер сказала, что все машины заняты на вызовах. В горкоме партии ответил дежурный и известил, что сегодня выходной день и никого нет.

– Я знаю, что никого нет, – ответил Иван, – Речь идёт о ветеране войны. Вы, пожалуйста, зафиксируйте мой звонок, что я обращался, а Вы отказались помочь.

Дежурный прекратить разговор не захотел. Он подробно расспросил Ивана обо всех деталях, пообещал связаться, с кем надо и велел ждать у телефона.

Только через три часа ожидания ему позвонили и сообщили, что дежурного доктора повезёт машина горкома партии, договорились о месте встрече, поскольку нужен был проводник.

Иван вернулся с доктором только к вечеру. Северина, вышедшая на крыльцо вся в слезах, сообщила, что дед лежит и не разговаривает.

Доктор Юлия Сергеевна, добрая и приветливая, средних лет и невысокого роста, сразу прошла к больному, и вскоре её диагноз звучал, как приговор: инсульт. Она также сообщила, что транспортировка невозможна, а больной находится без сознания.

Иван отозвал доктора в сторонку и предложил остаться до следующего дня, чтобы хоть как-то определиться на ближайшее время.

– Я помочь ещё чем-либо вряд ли смогу, – сказала Юлия Сергеевна, – Прошло много времени. Если бы сразу его в стационар, помощь какую-то смогли бы оказать.

Она согласилась ночевать, но сказала Ивану, чтобы с водителем договаривался сам.

– Если с водителем договоришься, я до следующего дня побуду у больного.

– Хорошо, – сказал Иван, – Я с ним сейчас поговорю, а потом вас накормим и определим на ночлег.

С водителем проблем не возникло. Когда Иван намекнул, что в машину загрузят рыбу для домашней ухи, разговор пошёл по нужному руслу. Северина занялась приготовлением позднего обеда или раннего ужина, а Иван сразу затопил для гостей баню. Дела делами, а гостей принято в этом доме встречать, как положено. Жуков сразу приготовил и упаковал мороженую рыбу, разделив её на две части.

– Гости будут не в обиде, – сказал он сам себе.

Он объяснил Юлии Сергеевне, что для неё приготовлена рыба и топится баня.

– Ой, я бы сходила в баню, но у меня с собой ничего нет!

– Ничего, полотенце дадим. Чистый халат Северина тоже найдёт.

– А мне надо бы проведать машину, – сказал водитель, отрекомендовавшийся Сергеем.

– Вместе проведем, только немного позднее. У нас тут никогда не проказили, должно всё быть нормально.

Юлия Сергеевна не отходила от кровати Николая Николаевича, постоянно меряла давление, щупала пульс, делала какие-то уколы. Правда, Николай Николаевич никак на это не реагировал. Так продолжалось, пока Северина не позвала всех к столу.

Иван на правах хозяина налил всем фирменной настойки. Юлия Сергеевна сразу отказалась, сославшись, что она сейчас на работе.

– Хорошо, тогда после бани, а Сергей не на работе.

– Мне завтра ехать! – отозвался Сергей.

– То, что будет завтра, пока отложим, а сейчас я очень рад, что вы не отказались ехать в нашу лесную глушь и остались, – Иван протянул стопку Сергею. Женщин я не неволю, они сами знают, как поступить.

Северина налила гостям по огромной тарелке супа из глухаря. На столе стояло большое блюдо варёной рыбы, а в центре стола разместился пышущий жаром самовар.

– Никогда не была на вызове с таким накрытым столом, – сказала Юлия Сергеевна, – Как-то непривычно и неудобно.

– Сейчас кушайте и не отвлекайтесь ни на какие неудобства.

– Хорошо, а потом я снова сделаю замеры, чтобы выяснить имеющуюся тенденцию, – она сказала что-то ещё на не совсем понятном медицинском языке.

Ещё через час Иван объявил, что баня готова.

– Пусть сначала моется Юлия Сергеевна, – сказал Сергей, – А мы сходим к машине.

Иван и Сергей пробирались в кромешной темноте, подсвечивая себе карманным фонариком с плоской батарейкой. Фонарь светил совсем слабо. Ноги то и дело соскальзывали с тропы вбок, погружаясь в снег. Они решили пакеты с рыбой унести сразу в машину.

– Такое впечатление, что за нами кто-то следит, – сказал Сергей.

– Может, и следит – это подруга Северины рысь Косуха. Она нам не покажется, а сторож хороший. Тебе к машине одному в темноте идти никак нельзя. Она и к машине никого не подпустит. Видела наверно, что на ней с вами я приехал.

– Когда подошли, Сергей сказал:

– Я прогрею мотор.

– Хорошо, только не ходи около машины, чтобы не было свежих следов на выпавшем снежку. Утром мы по следам сразу увидим, был тут кто или нет. А потом закрой всё, что можно, от соблазна. Позднее можно сходить сюда ещё раз.

Через некоторое время мужчины двинулись обратно. Косуха в этот раз никак себя не обнаружила.

Юлия Сергеевна к их приходу вышла из бани.

– Видишь, и дело сделали, и в баню ты как раз успел, – сказал Иван.

Распаренной после бани Юлии Сергеевне Северина стопку всё же налила и усадила снова за стол, налив горячего чаю. Доктор пыталась от стопки отказаться, но Северина настояла.

– Ну, у вас и настойка! – воскликнула Юлия Сергеевна.

– Это для здоровья полезно, не магазинное.

Иван ушёл заниматься делами, а женщины долго обсуждали здоровье Николая Николаевича.

– Завтра я проконсультируюсь, и мы решим у себя на работе, как поступить дальше, – сказала Юлия Сергеевна, – Вам каким-то образом дадим о нашем решении знать. Пока пусть дед лежит. Нужен только уход. Если назначим уколы или капельницы, решим, как это осуществить.

У Северины снова на глаза навернулись слёзы.

– Ничего ведь не говорил, как пришёл из больницы. Если бы только знали, сразу увезли бы в город, а он ещё на рыбалку пошёл, – причитала она, – Мы и не знали, что ему так тяжело. Готовили ему в подарок внучку. Разве его удержишь в постели, если всю жизнь работал! Только ведь выписался из больницы, казалось, что всё хорошо.

– Как же вы тут живёте, вдали от людей? – спросила Юлия Сергеевна.

– Мы привыкли. Я тут выросла, мне казалось, что все так живут, ничего особенного я в этой лесной жизни не видела. Лесной воздух действует, как живительный бальзам. Даже мужа себе нашла тоже здесь! Другие живут среди людей, а пару себе найти не могут.

– Вот и я не замужем, – сказала Юлия Сергеевна.

– Извините, я не знала.

– За что же извиняться? Вот перееду сюда к тебе и выйду здесь замуж! – пошутила доктор.

– А мы никого не прогоняем. Многие люди сюда приезжают. Одно неудобство, вот, как сейчас: случись чего, за помощью надо бежать в город.

– Я сознаюсь честно, очень не хотела сюда ехать. Прижали меня по партийной линии. У тебя муж молодец, всех заставил работать. А мне так и сказали: «Вы коммунист, Ваш долг выполнять то, что прикажет партия!» Вот так-то, пришлось ехать!

– Я вам постелю в маленькой комнате.

– Нет, вы меня определите рядом с Николаем Николаевичем. Я ночью буду вставать и мерять давление.

– Хорошо, как скажете, постелю на диване. А Сергей, думаю, не откажется отдохнуть на печи – самое тёплое место.

Сергей не заставил себя ждать, появился из бани. Теперь уже Юлия Сергеевна налила ему стопку и горячего чаю из неостывшего самовара.

– Теперь, после бани, будет в самый раз, – сказала она, – Доктор разрешает! А спать будешь по предписанию врача на печи.

– Ну, если доктор прописал... не смею оспаривать. Всегда бы так ездить в командировку: и напоят, и накормят, и спать уложат! Я уж не говорю про гостинец!

За столом ещё долго в этот вечер не умолкал разговор. Иван, закончивший дела, присоединился к большой компании.

Сергей попросил супа из дичи. Очень уж ему понравился лесной суп.

– А банька хороша! – сказал он, – Я от души попарился. Надо сказать, в такой деревенской бане давно не мылся. Начальство приходится иногда возить на природу, но нас держат на дистанции, в баню и за стол не приглашают.

– А у нас здесь все равны, – ответил Иван и продолжил мысль, – И коммунисты, и беспартийные, и начальники, и подчинённые. Мы живём не по бумажным законам, а по законам природы, где всё точно определено и живёт в одном ритме. Надо только природу понимать и не заниматься вредительством. Дед в своё время это понял, поэтому и ушёл жить в лес, не пожалев об этом ни разу.

– Мы о вас слышали, – сказала Юлия Сергеевна, – Но как-то не очень верилось, а теперь вот сами увидели всё своими глазами.

Застолье продолжалось ещё долго, пока не опустел самовар. Затем все разместились на ночлег.

Утром, как всегда, первой поднялась Северина, затопив печь. Она успела приготовить завтрак до того, как гости начали подниматься.

– У Николая Николаевича улучшения нет, но и ухудшения тоже. Он всё также находится без сознания. От нас пока помощи никакой не требуется, мы поедем, – сказала Юлия Сергеевна, – Необходимые уколы я сделала и обезболивающий укол тоже.

Иван проводил гостей до машины.

Поздно вечером Юлия Сергеевна вернулась, но уже на машине скорой помощи. Она привезла с собой медсестру. Имея уже некоторый опыт лесной жизни, доктор прихватила с собой фонарь и взяла водителя провожатым по лесной тропе.

– Хотя тут недалеко, но по лесу идти страшно, – сказала она.

Иван и Северина обрадовались её приезду и были сильно удивлены, что она сдержала своё слово. Как ни усаживали хозяева её за стол, сестра Юлия Сергеевна отказалась. Она сказала:

– Мы поедем, а вам оставляю медсестру, все необходимые назначения сделаны. Она побудет здесь несколько дней. Вот её кормите, поите и спать тоже укладывайте. Я сейчас осмотрю больного, и мы сразу уедем. Здоровье ветерана войны на контроле лично у первого секретаря горкома партии. Даже скорую помощь сюда послали, что правилами не предусмотрено.

– Раньше бы такую заботу, – не удержавшись, сказала Северина.

– Доктора всю историю не знают, поэтому не надо сейчас об этом, – сказал Иван, – Я людей провожу, потом приду, а ты пока накорми сестричку.

А потом спросил у медсестры:

– Как Вас величать по имени-отчеству?

– Люда, – коротко ответила она.

– А по отчеству?

– Просто Люда.

– Люда, мой руки, садись за стол. Вот тебе домашние шлёпанцы, – Иван дал ей обрезы от валенок, – Я ухожу. Меня звать Иван, а хозяйку Северина.

Иван проводил доктора и водителя до машины, сунув водителю в руки небольшой свёрток.

– Это увезёшь домой, – сказал он.

Водитель недоуменно на него посмотрел, но ничего не сказал.

Когда Иван пришёл, Люда немного освоилась. Поужинав, она раскладывала около Николая Николаевича шприцы, капельницы и прочую атрибутику.

– Завтра, Люда, тебе будет баня и, если хочешь, могу взять на рыбалку.

– Ой, как интересно! А я тоже буду удить?

– Нет, удить не будет никто, но рыба будет обязательно. Всё увидишь! Проблема только в том, чтобы тебя одеть, но, я думаю, с этой проблемой разберёмся.

– Я приехала в одежде, – обиделась Люда.

– Ты неправильно поняла: одеть, значит, одеться тепло, чтобы не замёрзнуть и, чтобы никуда не попадал снег. Твои сапожки не годятся, найдём что-нибудь другое. Сейчас Северина покажет тебе, где будешь спать и можешь отдыхать. Рабочий день сегодня закончился.

– Мне надо сделать ещё один укол.

– Это ты знаешь сама, сама и регулируй, а я занесу дров на утро.

Пока они разговаривали, Северина помыла посуду и прибрала всё на столе. Она в разговор не вмешивалась, думая свою нескончаемую думу. Невесёлые мысли одолевали, гнездились в голове, мешая сосредоточиться, но она была рада, что их одних в беде не оставили, помогают медики и даже горком партии. «Раньше бы эту помощь!» – думала она, – «Почему-то в то время всем заправлял Дерикуйко, а не горком партии. Может, конечно, горком был в курсе всех дел, только посчитал, что не надо вмешиваться. Вот это невмешательство и довело до тюрьмы. Упекли невинного человека, ветерана войны и труда и никому не было до него дела! Все шагали к коммунизму, забыв про одного отдельного человека, который, не жалея жизни воевал за будущее страны и строительство коммунизма – это сильно коробит. За грандиозными планами и стройками как-то незаметен один человек, отдельная личность. И партия, и правительство видят светлое будущее в целом, без учёта личных интересов отдельных людей, тех, кто претворяет планы партии в жизнь».

Иван перебил её мысли:

– На сегодня всё, – сказал он, положив аккуратно дрова к печке, – Дрова и растопку приготовил.

– Отдыхай, – коротко ответила Северина, – Я тоже лягу спать. Люде постелено.

– Завтра оставайся с дедом, а я схожу к сеткам с Людой. Теперь я и сам научился их находить. Метели не было, должны остаться прошлые следы, а потом надо идти в лес. Люда сама изъявила желание прогуляться, иначе она тут заскучает по дому. Твоя задача её одеть.

– Оденем. Только не рано ли ты стал водить молодых девушек на рыбалку?

– Я могу не ходить, – обиделся Иван.

– Я же пошутила. Сама бы пошла, но лучше останусь с дедом. А вот в лес идти ты один не справишься, не найдёшь все наши ловушки, а идти надо. Вернёшься с озера, подумаем, как лучше поступить.

– Так и сделаем. Как решишь, так и будет.

Утром медсестра заявила, что пойти сможет только после того, как поставит капельницу. Она работу свою выполняла и всю ночь изредка поднималась проверить состояние Завьялова. Люда, быстро позавтракав, занялась непосредственными обязанностями, а Жуковы готовили ей рыбацкую одежду.

– В этих рукавицах руки не отморозишь! – Северина показала ей большие меховые рукавицы.

– Эти рукавицы мне будут как раз до локтя.

– Ничего, главное, чтобы было тепло.

Иван ждал во дворе, приготовив санки, верёвку и запасные сетки. Тучка вертелась у ног, предчувствуя прогулку.

– Запрячь бы тебя в санки, чтобы тоже трудилась, а не бездельничала. Рыбу любишь, значит, должна трудиться!

Про рыбу он сказал не зря, вспомнив, как Тучка её ела, когда ловили неводом. Среди другой рыбы в улове попадались ерши. Иван ради шутки кинул тогда собаке ерша, думая, что она побоится взять его в зубы, а того, что произошло, он никак не ожидал: Тучка проглотила ерша целиком, как будто его и не было. Тогда стали дурачиться все: кидали ершей собаке и

Завьялов, и Северина, и Иван. Участь ершей оказалась точно такая: Тучка проглатывала их целиком. Побоялись рыбаки, что перекомят собаку и перестали рыбу ей кидать.

Через некоторое время вышла на крыльцо медсестра, похожая на космонавта в скафандре.

– Ничего, – сказал Иван, – Главное – не замёрзнуть. На озере всё продувается насквозь. Иди за мной, по следам идти легче.

Они без труда нашли нужные лунки. Иван привязал верёвку к концу сетки и сказал:

– Пойдём к другому концу вынимать рыбу.

– И я тоже буду вынимать? – спросила Люда.

– Без проблем, если сможешь. Работать надо голыми руками, без рукавиц.

Улов в этот раз оказался несколько меньше, чем в прошлый раз, но всё же попало хорошо.

– Вот это улов! – сказала Люда, – Вот это мы наудили! У нас такую рыбу в магазине не продают.

– Откормим мы тебя здесь, коллеги не узнают. Завтра будем кушать рыбу и дичь. На фигуру эта пища никак не влияет.

– Смотри, какие зубы! – показала пальцем Люда на разинутую пасть щуки.

– Ты палец ей не показывай, откусит, не успеешь и глазом моргнуть, никакая медицина не поможет!

Люда боязливо отдернула руку.

– Если хочешь, можешь потрогать сига, он безобидный, не кусается и ведёт себя прилично. А вообще иди к верёвке, будем затягивать сетку обратно. Ты будешь потихоньку тянуть, а я буду здесь направлять. В лунку не провались! – крикнул Иван вслед уходящей медсестре.

Когда поставили сетку обратно, Иван сказал:

– Ты настоящий рыбак! Работала хорошо. Сейчас надо проверить ещё одну сетку, выдержишь?

– Мне очень интересно.

– Интересно, тогда пойдём работать, а потом домой.

– Хорошо живёте! Рыба свежая всегда рядом и бесплатно.

– У нас коммунизм в отдельно взятой ячейке общества уже наступил: «От каждого по способностям, каждому по потребностям!» Слышала о таком принципе построения коммунизма?

– Это мы проходили в школе. Нам ещё картинку из «Крокодила» показывали, как отдельные клерки шагают в коммунизм с большой ложкой.

– Сегодня ты тоже в коммунизм шагнула, а ложку мы дадим! – пошутил Иван, – Не обижайся, я шучу. Должна сама видеть, что без труда ничего не бывает. Ловить рыбу, лёжа на диване или сидя в кабинете, люди ещё не научились. Только трудом можно чего-то добиться! Пойдём обратно, нас уже заждались.

– Я бы лучше работала у вас, чем в больнице. Там каждый день одно и то же, а здесь свежий воздух, природа. Красота!

– Кроме красоты надо топить каждый день печки, убирать снег и ездить в город за продуктами. Одной рыбой питаться не будешь.

– Всё равно здесь хорошо!

Когда рыбаки подошли к дому, баня топилась, извергая клубы белого дыма из трубы. У калитки встретил кот. Он-то уж знал, что ему от улова тоже кое-что перепадёт! Даже ворона сегодня оказалась на своём привычном месте на сосне у калитки. Произнеся своё обычное «Кар-р», она опустилась, перелетев на нижнюю ветку. Этот нахлебник тоже чувствовал, что без обеда сегодня не останется.

Люда ушла переодеваться и делать очередной укол Николаю Николаевичу, а Северина готовилась кормить рыбаков.

- Иван, на еду почисти рыбины две-три, а остальное можно заморозить.
- Я так и сделаю. Сейчас рыбу сразу почищу, а уж потом будем обедать.

За столом Люда не умолкала, делясь полученными впечатлениями. Она за свою короткую жизнь никогда не была на рыбалке и уж точно никогда не видела, как прямо из-под льда вынимают живую рыбу. Рыбу она раньше видела в виде небольших кусочков, которые дают в столовой на обед. Щуку пробовать приходилось, а вот сига на озере видела впервые. Такой рыбы в магазине никогда не было. Она знала три сорта рыбы, которая иногда продавалась в магазине – это килька в томатном соусе или солёная, мойва и путассу. На путассу с её заработной платы денег хватало, а треску покупала по большим праздникам.

Треска иногда тоже появлялась, но как-то быстро заканчивалась: то ли её было мало, то ли слишком быстро раскупали. Ещё она слышала о сороге, ершах и окунях, которых разрешалось ловить повсеместно, но, в которых, кроме костей и чешуи ничего не найти, если они не крупные, а мелкие. Остальная рыба для рыбаков почему-то запрещена. Поговаривали, что она является стратегическим запасом, который надо хранить, но до каких пор хранить, никто не уточнял. Так и хранили рыбу, насколько помнила Люда, ещё при жизни деда, пока живы были родители и вот теперь. Но сейчас она увидела, как ловят настоящую рыбу вопреки всем запретам и инструкциям коммунистов. Она, имея начальное образование, понимала, что люди, живущие у реки и леса, должны пищу добывать для семьи сами, своим трудом, но она никак не понимала то, что для людей всё запрещают, а для браконьеров в виде чиновников разного ранга никаких запретов нет. Они это делают, окружённые охраной и в окружении таких же чиновников, отвечающих за охрану рыбных запасов.

Эта идеология, которую в школе не преподают, не укладывалась в её молодой голове. А как же людям, живущим в лесу, далеко от магазинов, питаться? Или вместо пищи изучать несуразные законы, запрещающие жить, как жили деды и прадеды?

А грандиозные стройки? Невооружённым глазом видно, что все предприятия, вредные для окружающей среды, стараются разместить на берегах водоёмов, чтобы использовать чистую воду и сливать в водоёмы токсичные отходы целлюлозных комбинатов, нефтяных хранилищ и прочих убийственных для окружающей среды комбинатов. Для этого действия запретов нет! На массовую гибель рыбы смотрят, как на некоторые издержки производства. Разве сравним такой ущерб с ловом рыбы простыми рыбаками!? Эти крамольные мысли роились в Людиной голове, но высказать их вслух она боялась. А вдруг неправильно поймут? Высказывать вслух, значит, идти против существующих законов.

– Иван, а в лес вы меня возьмёте? – спросила Люда.

– Ты хочешь выведать все наши секреты? – в шутку спросил Иван.

Люда смутилась. Она к шуткам Ивана ещё не привыкла. Воспринимала их, как упрёк.

– Если нельзя, я пойму, – ответила она на вопрос скромно.

– Всё можно, я пошутил, но этот вопрос согласовывай с Севериной. В лесу хозяйин она, а я выполняю роль носильщика.

– Тогда я тоже буду носильщиком!

– Втроём мы вряд ли сможем пойти, – сказала Северина, – Прежде всего, этот поход будет зависеть от состояния деда. Без присмотра его оставлять нельзя, значит, с ним кто-то должен оставаться. Доживём до следующего дня, а потом всё и решим. Сейчас после обеда иди в баню, она топлена специально для тебя. Работа – работой, а отдыхать надо тоже.

Следующий день спутал все планы. Николай Николаевич, не приходя в сознание, ночью умер. Вечером, когда Люда делала укол, он был живой, а ранним утром, когда Северина проснулась, она сразу подошла к деду. Завьялов к тому времени уже не дышал.

У Севериной на глаза навернулись слёзы. Она разбудила Ивана. Люда, услышав хождение по дому людей, тоже проснулась.

– Вот, Люда, твоя командировка и закончилась. Мы будем хоронить деда, а ты можешь ехать домой, Иван тебя на автобус проводит, – сказала Северина.

– Я могу вам помогать, – сказала Люда.

– Можешь, конечно, остаться, пока Иван ездит в город для выполнения положенных в таком случае формальностей. Прежде всего, необходимо заключение о смерти. Нужна машина, чтобы доставить тело в город и много всего другого, что полагается в таких случаях. Какую-то помощь, вероятно, окажут Ивану на работе, а всё остальное придётся организовывать самим.

Весть о том, что умер лесной житель на Лебяжьем озере, распространилась с быстротой молнии. Иван ещё только обратился за свидетельством о смерти, а его уже нашли студенты, Лукин Илья и коллеги по работе и все наперебой предлагали помощь. Проблему с вывозом тела в город решили быстро: помочь взялась геологоразведка. Колька со своей компанией студентов взялся приготовить городскую квартиру и решить проблему с организацией похорон. Илья Лукин подключил к этому делу прессу и административные органы. Анастасия Павловна с Фросей сказали, что помогут провести обычный в таких случаях обряд.

Иван и сам не подозревал, что у них с Севериной столько друзей, готовых прийти на помощь. Это было удивительно: люди в трудный момент сами предлагали свои услуги и помогали, особо не спрашивая разрешения. Может, так и должно быть, что люди в трудный час помогают друг другу, невзирая на должности, чины и период личного знакомства. Просто в трудный час они приходят и помогают.

Про Николая Николаевича, благодаря Илье Лукину, узнал весь город.

Когда Иван с помощниками вернулся в лес, Северина с Людой к этому времени законсервировали дом. Собаку оставили без привязи для охраны, а кота пришлось взять с собой. Не смотря на свалившееся на неё горе, Северина не забыла угостить Люду озёрной рыбой. Медсестра отказывалась, но Северина насильно вручила ей объёмистый свёрток.

Проводить в последний путь Завьялова на следующий день пришло множество людей: кто-то его знал лично; кто-то из любопытства, узнав о нём из прессы. Руководили всем процессом добровольные помощники Жуковых. От Северины не отходили женщины, понимая, что ей в её положении нельзя сильно расстраиваться. Поминки провели в квартире Ивана, сместив по сторонам лишнюю мебель. Весь народ, участвующий в похоронах, за один раз за стол не вместились, поэтому рассаживали людей в два этапа, благо мероприятие такое, что засиживаться долго никто не собирался.

К вечеру остались только студенты прибирать со столов и Люда, беспокоящаяся теперь о состоянии Северины.

Студенты отказались брать что-либо с собой, поэтому Иван усадил всех снова за стол поужинать и выпить на посошок.

– А как ваш лесной домик? – спросил Колька, – Пока будет без вас? Если что помочь, зовите нас, мы приедем!

– Это решит Северина, – ответил Иван, – На выходные дни в любом случае его посетим. Последнее время нас гости навещают часто. Вот и Люда успела порыбачить, – кивнул Иван на медсестру, – Эту рыбу, что на столе, она наловила.

Люда засмушалась от такой похвалы.

– А лесной зверь её не съел? – не унимался Колька.

– Она сама никого не трогала, была без ружья, поэтому и её никто не обижал. Захотите приехать, приезжайте, только предварительно надо узнать, там мы или нет. Городскую квартиру знаете, можно всегда договориться.

Уходя, Колька вызвался проводить Люду.

– Нет-нет, – сказала она, – Я сама дойду.

Но Колька настоял на своём, объяснив, что вечером в городе на улицах беспокойно и особенно опасно ходить девушкам в одиночку. Так и ушли они вдвоём, а Семён со Степаном пошли провожать Наташу и Юлю.

– Как же теперь без деда? – спросила Северина, когда они остались одни.

– Будем жить в городе. Тебе надо тоже докторам показываться. Сама видела, какая проблема возникает. Придётся наш лесной домик изредка навещать.

– Надо снимать все ловушки, чтобы не губить природу, – задумчиво сказала Северина.

– Что не надо, снимем, а сети пусть стоят, себя прокормим, – ответил Жуков.

– Жалко оставлять дом, в котором прошло детство.

– А дом никто не бросает. За домом присмотрим. Летом там вообще хорошо, можно жить, особо не заботясь об отоплении. Всё наладится, ты не расстраивайся.

– Без деда теперь ничего не наладится. Он был настоящим хозяином лесной заимки, его руками всё сделано. Без него дом будет сиротой, а не будем навещать, всё разорят туристы.

– Сейчас оставлена сторожить Тучка, а дальше что-нибудь придумаем. Всё наладится, – повторил Иван.

На третий день после похорон Жуковы отправились на озеро. Дом успел остыть, внутри при дыхании шёл пар. Затопив печи, Жуковы, не раздеваясь, занимались домашними делами. Собака, обрадованная приездом хозяев, вертелась всё время под ногами. Её накормили привезёнными с собой отходами от застолья, чему она несказанно обрадовалась.

– Сегодня проверим сети, а завтра пойдём в лес, – сказал Иван, – Если тебе тяжело, я могу сходить один.

– Один без руководителя ты ничего не сделаешь. Я пойду с тобой, а работать будешь один за умеренную плату. За работу я тебе разрешу нести всё, что необходимо, на себе.

– Я согласен и на такую оплату.

Дотопив печи, хозяева отправились на озеро.

– К нашему приходу дома будет тепло, – сказала Северина, а баню истопим завтра. С дедом я как-то не задумывалась о нашем большом хозяйстве, а теперь постоянно об этом думаю. Придётся уменьшать аппетиты и сворачивать промысел. Ты уедешь, а я одна не справлюсь и вдвоём тоже, – она указала на живот, – Нам первое время не справиться.

– Пока не торопись. Уберём сначала капканы и петли, а силки и сетки могут стоять до конца сезона или до моего отъезда. А на Настюшку ты зря так говоришь. Она к труду приучена и с рождения будет трудолюбивая. Я хочу, чтобы она была такая же, как ты.

– Это какая?

– Красивая и ласковая, и трудолюбивая, и самая-самая.

– Опять ты подлизываешься!

– Нет, я вполне серьёзно. Такой, как ты, в природе пока больше не существует. Ты, как это озеро, существуешь в первозданном виде, от этого, наверно, и твоя красота.

– Я стала толстая и некрасивая.

– Нет, ты совсем не толстая, но и с Настенькой ты всё равно красивая.

– Мы пришли. Обещал работать – работай.

Когда они пришли домой, в комнатах и в самом деле стало тепло. Русская печь отдавала своё накопившееся тепло внутрь помещения, обогревая настывший внутри воздух.

– Ваня, я залезу на печку и немного полежу, – сказала Северина.

– Конечно, лежи. Я согрею самовар, к чаю тебя позову, а между делом почищу рыбу, пока она не замёрзла. С домашними делами я управлюсь не хуже тебя. Заготовлю на завтра дров и занесу воды, теперь она не замёрзнет. На девятый день будем кормить гостей рыбой, а, если повезёт, то и дичью. Завтрашний день покажет, что нам оставили через длительное время лесные разбойники. Всё сделаем, приберём и повезём наш груз в город. Рыбу нашу все нахваляют. Надоела горожанам привычная еда из консервных банок. Это у нас каждый день рыб-

ный день, а для них такие дни – праздник. Вот и пусть поминают деда добрыми словами, хотя по-другому к нему никто и не относился. Дед был неразговорчивый и с виду необщительный, но почему-то люди его считают добрым и отзывчивым.

– Он и в самом деле был добрым. А на его характер повлияла не совсем радостная жизнь.

– Разрезал большую щуку, а внутри её ещё одна, – воскликнул Иван.

– Пожадничала, – отозвалась Северина, – Они съедают друг друга, не разбирая, добрый ты или злой. Может, она сильно есть хотела, а, может, уничтожила соперницу. Я тоже всех соперниц уничтожу, – добавила тихо Северина.

– Это я тебе не позволю, не дам такого повода.

– Люду ты на рыбалку уже сводил, а она тоже потенциальная соперница.

– Если так рассуждать, все имеющиеся женщины твои соперницы, уничтожить будешь всех, оставив всех других мужиков без своих половинок. Не забывай, что внутри тебя тоже будущая женщина.

Закипел самовар. Иван заварил в чайничке чай и поставил его на конфорку самовара.

– Можешь готовиться к чаю, – сказал он Северине, – Рыбу я почти дочистил, оставлю на уху, а остальное вынесу замораживаться.

– Я сделала неожиданное открытие: на печке работать лучше, чем стоя на ногах. Не зря Емеля в сказке для великих дел выбрал именно печку. Раньше я старалась у деда забрать лишние дела, а теперь смотрю, как ты работаешь, и люблюсь.

– Обленишься, я ведь могу и разлюбить! А, с другой стороны, чай я могу тебе подать и на печку. Знай наших! Геологи люди не гордые, ко всему привыкли. Мы иногда даже с медведями чай пьём, а точнее, мы пьём, а они ходят вокруг нас.

– Медведи к людям стараются не подходить, но и свою территорию охраняют. А, когда ходят вокруг, надеются, что им тоже что-нибудь перепадёт с «барского» стола. Люди много всего оставляют после себя и остатки еды тоже. Медведь знает, где можно полакомиться, сильно не утруждаясь.

– Всё ты у меня знаешь! А я вот столько не знаю, хотя тоже много времени провожу в лесу, на природе.

Утром Северина поднялась в темноте. Пока Иван досматривал свои утренние сны, она приготовила лёгкий завтрак и занялась подготовкой снаряжения к неблизкому походу. Прежде всего, необходимо подготовить лыжи, нож, топор, тару и, на всякий случай, по бутерброду.

«Ружьё в этот раз я доверю нести Ивану», – мысленно сказала Северина, – «Он и будет главным носильщиком, а с капканами я разберусь сама и силки тоже сама насторожу, если сбиты».

Иван проснулся сам, будить не пришлось. Он, зная, что предстоит работа, быстро вскочил, умылся и спросил:

– Что надо делать?

– Завтракать, а потом одевайся и пойдём. Темнота не мешает, с каждым шагом будет становиться всё светлее и светлее. Покорми Тучку, чтобы случайно не испортила нам дичь.

Рассвет хоть и был серым с тучами на небе, но стояла тишина с лёгким морозцем, который без ветра никак не досаждал. Тёмные силуэты елей и сосен прорисовывались своими очертаниями в ещё густой темноте, расступавшейся постепенно по сторонам и куда-то вглубь леса, уступая место наступающему дню. Лыжню замело, но две ниточки следов от лыж виднелись сквозь нападавший пушистый снег. Жуковы старались идти по старой лыжне, чтобы лыжи сильно не проваливались в снег. Тучка предпочла идти сзади тоже по лыжне. Она понимала, что в стороне от лыжни ей придётся проваливаться в снег по самое горло, неимоверным усилием выпрыгивать из снега и снова утонать. Такая перспектива ей не очень нравилась. Собака понимала, что без необходимости никакой нужды нет бежать по целине. Вот, если бы пресле-

довать дичь или бежать по приказу хозяйки, тогда бы она побежала напрямик, но такого приказа не было. Тучка смотрела на Северину, прислушивалась и снова бежала сзади.

Несмотря на то, что охотничьи угодья долго не проверялись, силки и капканы были пусты. Северина ловко спускала пружины капканов, высвобождала их из снега и подвешивала каждый на ближайшую ель, чтобы не тащить с собой. Только, когда прошли половину пути, увидели в силке замороженного тетерева. Удалось также вытащить двух рябчиков. Всю добычу складывали в рюкзак на спине Ивана. В одной из петель обнаружили зайца. Петлю Северина снова настораживать не стала.

– Наша миссия окончена! – сказала она, – Теперь можно не беспокоиться и пока сюда не приходить. Лес можно навещать один раз в неделю. А сегодня я бы вообще не выходила из леса. Редко бывает такая погода. Идешь и радуешься тишине и наслаждаешься чистым лесным воздухом. Даже дятел, когда начинает стучать по дереву, его стук кажется неестественно громким, разносится на всю округу. Ты как, готов исполнять обязанности носильщика? – спросила она у Ивана.

– Я всегда готов! Если хочешь, могу и тебя понести.

– Со мной ты и десяти метров не пройдешь.

– Я обещал, когда женился, носить тебя на руках всю жизнь.

– Так я тебе и поверила! Все обещают носить, а потом носят чужих жён.

– Ты это про меня что ли? – спросил Иван.

– Это я так, к слову.

– Я вот всё думаю:пустишь ты меня ехать в экспедицию или нет? Жён я там чужих носить на руках не буду и приехать постараюсь, как можно скорее.

– Мы с дочкой тебя давно отпустили. Только без тебя я рожу не Настеньку, а Ивана или Фёдора Ивановича. Тебя не будет, а я могу забыть про твои мечты. Одно смущает: как-то не по себе будет жить одной в пустой квартире. Здесь у меня лес, озеро, лесные друзья Косуха и Берегут. Даже ворона у калитки мне стала какой-то родной. Правда, соседки у тебя добрые. В случае чего, буду приглашать их в гости, будем пить чай и вспоминать молодость.

– Это ты-то будешь вспоминать молодость?

– И я буду. Без тебя я была молодая, а теперь не знаю, наверно уже не молодая.

– Ты у меня самая молодая и красивая! – воскликнул Иван.

За разговорами они не заметили, как подошли к дому. Дорога показалась слишком короткой. Устала наверно только одна Тучка, но она то ли от радости, что кончилось утомительное путешествие по лыжне, то ли от предвкушения близкого обеда виляла молча изо всех сил хвостом, вертясь около ног и немного мешая лыжникам снимать с себя лишние «доспехи».

– Поедем завтра с утра, – сказала Северина, – Заберём продукты, надо отвести девятый день, как положено. Вдруг опять навесят нас все друзья? Наварим из дичи суп, из рыбы уху. Будет зайчатина, рыба, из ягод напитки. В общем, найдём, что поставить на стол. А потом будем привыкать к жизни без деда, хотя, мне кажется, к этому привыкнуть нельзя.

– Потеря близкого человека всегда трагедия. Будем подстраиваться к новой жизни. Ты отдыхай, а я приготовлю ужин и тебя позову. Печь сегодня топить не будем, но там пока тепло. Залезай и отдыхай в тепле. А завтра придётся брать с собой и Тучку. Одной ей тяжело будет жить неделю без готовых обедов.

– Возьмём, поедем всей семьёй. Я и в самом деле после прогулки немного полежу.

После возвращения в город Жуковы решили часть рыбы продать, чтобы немного пополнить свой скудный семейный бюджет. Расходы предстояли большие, а доходов пока не виделось. Северина сама вызвалась стоять на рынке у прилавка. Иван её отговаривал, но не переубедил.

– Меня там знают, покупатели привыкли, – сказала она, – А вот носить тяжести я найму грузчика по фамилии Жуков. Ты меня здесь оставь, а сам перемещайся с животными в квар-

тиру, а потом придёшь за мной и за остальными вещами. Тучку можешь оставить с бабушками у подъезда, когда пойдёшь ко мне.

Ивану ничего больше не оставалось, как подчиниться и выполнять все распоряжения. Он удалился, оставив Северину, у которой сразу образовалась очередь за рыбой.

Торговля складывалась удачно, пока Северина внезапно не услышала сбоку голос:

– А знаете, гражданка, что торговля незаконно выловленной рыбой на рынке запрещена?

Дерикуйко возник из ниоткуда. Северина даже вздрогнула, когда послышался его скрипучий голос. Она разговаривала с покупателем, а в это время послышался этот ненавистный голос. Покупатели, завидев блюстителя порядка, предпочли временно исчезнуть, чтобы не оказаться случайными свидетелями.

– Где Вы видите, что кто-то торгует рыбой? Эту рыбу я только что купила на поминки, складываю её в сумку. Покупать рыбу в нашей стране не запрещено, – спокойно ответила Северина.

– Значит, покажите мне продавца, у которого Вы это купили.

– Сейчас брошу все свои дела и буду разыскивать Вам продавцов, которые наверняка сидят уже дома и пьют чай.

– Вы нетактично разговариваете с блюстителем порядка.

– Я блюстителя без документов не вижу. А перед каждым проходимцем я отчитываться не обязана.

– Э, слышь, дарагой, что пристал к дэвушке? – сосед-торговец грузин решил вмешаться в диалог

– А Вас пока не спрашивают, а то и на Вас найду управу и привлеку.

– У мэня документ в порядкэ, а дэвушка только прийшла покупать рыбу, я выдел.

Сейчас этот грузин явно Дерикуйке мешал, но что делать дальше он не знал, поэтому сказал: – Я обязан следить за порядком и торговлей.

– Выдышь, она с тобой не желает разговаривать, да? Зачём мешашь? Ыди, дарагой, куда шёл, да! Или бэри, покупай, да! Я с дэвушкой сам поговорю, да!

– Этот человек нас обокрал, – сказала Северина грузину, – Вынес из дома все вещи. Он вор и проходимец, а формой он прикрывает свою сволочную шкуру!

– Но, но, полегче! Вы меня оскорбили при свидетеле и при исполнении.

– Я не оскорбила, а назвала вора вором, пусть все свидетели это знают.

– Я ныкакой нэ свидетель, – сказал грузин, – Я только продаю, но нычаго нэ слышу. Дэвушка, мэня Гиви завут, Залдастанишвили. Прыхади, покупай, мы всэгда рад.

Дерикуйко, видя, что с ним больше не разговаривают, решил удалиться. Он сказал:

– Я буду регулярно следить за порядком и торговлей на рынке. Вам, Северина, следует подумать, с кем лучше водить дружбу, – сказав это, Дерикуйко ушёл, делая вид, что следит за порядком.

На самом деле блюстителю порядка было не по себе. Он чувствовал, что его окружала вокруг какая-то пустота, вакуум. Многие люди готовы ему услужить, заискивали, угощали, но никто по доброй воле с ним не общался. У него не имелось друзей. Коллеги по работе общались только на служебном языке и не более того. Годы шли, но кроме временной личной наживы, он не имел ничего. Жена с ним почти не общалась. Она его дома терпела, но дома она и была блюстителем порядка, главнокомандующим и Богом. Дерикуйко не смел ей перечить. Кто, как не она, знала все его ходы и выходы, ухищрения и приобретения! Нет, против жены он идти не смел! Другое дело, когда он проверял какие-либо конторы или отдельных граждан. Тут он чувствовал себя королём, которому никто не смел возражать. «Чёрт дёрнул меня связаться с Завьяловыми!», – снова подумал он, – «Единственная семейка, которая меня никогда не боялась и не заискивала, как другие». От этой мысли ему сделалось нехорошо. «Что-то я себя

неважно чувствую», – сделал он очередной вывод, – «Надо идти домой и, как следует, отдохнуть. Последнее здоровье утерять с этими Завьяловыми!»

Нельзя сказать, чтобы Дерикуйко в обществе не замечали. Его, как представителя власти, избирали в различные комиссии, в представительные органы. Он научился красиво говорить и этим пользовался всегда, когда предоставлялась такая возможность. Неважно, что он был некомпетентен во многих вопросах жизни, а важно то, что он, благодаря красноречию, умел создать видимость своей компетентности. Его красноречие люди воспринимали, как жизненный опыт и компетентность.

– Гиви, Вы у меня не возьмёте остатки рыбы? – обратилась Северина к грузину, видя, что Дерикуйко исчез из поля зрения, – Отдам за полцены.

– Мнэ рыба нэ нужна, но у Вас вазьму. Давай мнэ Вашу рыбу. Какой красивый дэвушка! Прыхади, будем торговать вместе. Вы нэ сказали, как завут такой красывый дэвушка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.